

Три
секунды
перед
рассветом
в мае

Олег Копылов

Олег Копылов

**Три секунды
перед рассветом в мае**

Новосибирск
2013

Олег Копылов

Три секунды перед рассветом в мае. Сборник стихов. –
Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2013. - 124 с.

У нас в стране есть несколько Железнодорожников. Есть Курский, есть в Красноярском крае, а еще - Илимский, самый восточный. Автор родился в Железнодорожнике-Илимском в 1976 году. Окончил школу. В январе 1996 впервые постучал в дверь редакции: «Это «Иркутская культура?» - «Молодой человек! - загремели в ответ - Где вы тут видели культуру? Это вертеп!» Стихи напечатали.

В 1998 году окончил Иркутскую государственную экономическую академию. Публиковался в газетах «Перекресток», «Советская молодежь», «Иркутская культура», журналах «Ликбез» и «Введенская сторона», сетевых изданиях. Участвовал в коллективных сборниках Новосибирска и Ярославля.

«Три секунды перед рассветом в мае» - первый опыт сольного поэтического сборника. В книгу вошли отдельные стихотворения с 1996 по 2013 годы.

Были не были только верили

Люди гуляют по саду. По одну его сторону – памятник Че Геваре, по другую – грустному сказочнику Андерсену. Аллеи протянулись от Арлекина до Арлекина, от Пьеро до Пьеро, от неба до реки, от реки до неба. Расстояние между мечтой и реальностью – не больше вытянутой руки. Это небо лежит на человеческих ладонях.

Художественный мир Олега Копылова гуманистичен в своем основании. Ему не важны политики и эпохи, которые школьник может стереть ластиком («Шкряб-шкряб, эпоха»). Важен человек, который есть источник бессмертного, вневременного начала Вселенной. «Не видать ни ментов, ни ангелов», черта нет, его придумали люди, а Бог видим настолько, насколько человек способен принять его воплощение в себе самом.

И смерти у Копылова так часто «нет», что она есть: «Трое суток до рассвета. / Где же, смерть, твоя победа?», «Ветер. В такт – ударам сердца. Смерти нет – / Если любишь. Если веришь. Если свет», «Постой. Это нужно жить / Когда умирают сказки», «Мягчайший снежный свет / Целует утро / <...> / И смерти нет / Как будто». И она настолько «есть», настолько она важная и живая, сквозящая отовсюду и завершающая становление, что она по сути перестает быть смертью, отрицая самое себя, как поется известный глас 5, «смертино смерть поправ», у Бога «все живы» (Лк. 20, 38):

*Но ведь он промахнется? Правда же?
Успокойся, я-то откуда знаю.
Обычно говорят: просто верьте.
Девочка играет на флейте
мелодию рая.
Надо же. А ведь верно – в раю не
бывает смерти.
Или вот так:
Медлительная девочка зима
Срывает лепестки в подольчик млечный
Но свет не меркнет
Ведь
Подсолнух вечен
И светит*

*светит
светит
что там тьма*

Смерть случается, но нет ее по факту Воскресения. Смерть в этой системе – лишь один из этапов перехода к раю, к жизни вне времени. «Три секунды перед рассветом» – как перед расстрелом, рядом с Лоркой и Че Геварой, за полшага до бессмертия.

*и светилась давно сгоревшая спичка
датской девочки
ганс-христианской*

*радость обреченных там у причала
печаль и веселье просто и вместе
обрыв и отрез – всего-то начало
вечные вёсны благие вести*

Не удержусь от цитаты из Андерсена об упомянутой девочке, что продавала людям спички и замёрзла на Рождество: «И она поспешно чиркнула всеми оставшимися спичками, которые были у нее в руках, – так ей хотелось удержать бабушку.

И спички вспыхнули таким ярким пламенем, что стало светлее, чем днем. Никогда еще бабушка не была такою красивою, такою величественною! Она взяла девочку на руки, и они полетели вместе, в сиянии и блеске, высоко-высоко, туда, где нет ни холода, ни голода, ни страха – к богу!»

В художественном мире Олега Копылова – вечно длящееся Рождество, Пришествие свершается постоянно. Бог, каждое мгновение будто бы вновь входит в мир. Сейчас рождается мальчик, сейчас «Из бездонного океана / поднимаются и глядят / глаза огромного левиафана», сейчас «небывалые белые всходят цветы / райского сада» и «входит в Святая святых» девочка.

Нет больше прошлого, нет будущего, есть безмерное настоящее, где все одновременно и старики, и дети. Знакомые ритмы детских стишков оформляют вопросы, с помощью которых человек выстраивает свои отношения с гигантской Вселенной:

*По цветам-подснежникам,
По лугам по бежиным,
Да по шатким мостикам -
Не к тебе ли в гости он?*

*Чоки-чоки, чоки-чок.
Ты куда идешь, бычок?*

Идет бычок по шаткой досточке, не верит календарям, верит небу. И потому идет, и потому он бессмертен.

Мир Олега Копылова лишен меланхолии и безвольной тоски, в нем бродят титанические силы, в нем, словно гигантские механизмы, слаженно вращаются временные слои, доступные друг для друга и проницаемые для человека. В этой связи ситуация гражданской войны («театр <...> под распахнутым небом»), к которой время от времени возвращается поэт, подобна смерти, искупающей самое себя:

*Ветер шепнул пеплу:
«Как это – быть степью?»
Пепел смолчал. Мимо
Шёл восемнадцатый год.*

*И командир бравый
Нёс в кобуре правду.*

Или вот так:

*Петька в дурке, Чапаев в бурке.
Слышно, белые в Оренбурге.
Кто – чужой, кто – свой здесь,
Разбери – пойми.*

Или даже так:

*Зима умерла, а весны еще нет.
И ветви в окне, как винтовки,*

Остры и заряжены – зазеленеть.

Здесь есть немало от философии экзистенциализма, когда пограничная ситуация (в частности, смерть) рассматривается в качестве ценности, помогающей духовному самоопределению человека («Кто ты? Определяйся – / *Завтра будет поздно*»). В свете этой идеи художественный мир Олега Копылова прочитывается как мир на краю, как мир по-над обрывом.

*нащупать звезду
ощутить до обрывисто-
острого-острова-о стра
на страницах на буквах
за кромкой письма
где немислимый Свет
где за нас
где не-Тьма
и туда провода и тогда
провода/
Дураки – улыбаются
звёзды.*

«Дураки» – это те, кто не верит в то, что человек – существо вневременное, что ему по силам видеть сквозь пространство и слышать сквозь время и жить так, будто смерти не существует («*а правда одна – /Кровь /Превратится /В вино*»).

*И снег пригрозил лозе:
«Здесь в землю полягут все».
Все в землю полягут здесь...
Но знаешь, что Он воскрес.
За этих болжей, моржей,
Рабочих и бурнашей,
Творящих незнамо что,
Катящихся в решето,
Дурающих по всей поре.
За точки и за тире.*

У Копылова за пророков – герои, сошедшие с книжных страниц, за горожан – ярмарочные паяцы и мудрые вечные дети, которым открыта дорога в рай, потому что они в него «еще» или «уже» верят. Лирический герой верит, как в мамину сказку, что есть «Снежевика – такая ягода / Серебристо-синего цвета. / Вырастает в краях, где мамонты / Осторожно качают рассветы». Это он кричит в образе галчонка: «Смотри! Там небо берут в кавычки». И глядят на него люди с «прекрасными уродливыми лицами» и селятся понять: «Зачем он приплудный больной идиот / По рельсам идет и песню поет»? Он говорит, что в мире живут половецкий хан Тугоркан, защищавший Византию от печенегов, багдадский халиф Аль-Рашид, и неведомые истории старичок Херли Герли и некий Теленн Гвад, и Орт Галеран со страниц Александра Грина... Их видят и знают, их слышат и с ними говорят невырастающие дети, не то ангелы, не то и вправду – цветы. И видится над городом радуга, не верят в нее хмурые люди, а она есть и от их неверия не исчезнет.

*Веришь ли нет ли а будет завтра
Светлым а даль свежа*

Или такое утверждение:

*А за небом – небо.
А за небом – небо.
А за небом – небо!*

И в какой-то момент эта песня достигает своего апогея, и понимаешь, что уже нельзя не верить в вечное Воскресение, нельзя не верить в вечное Рождество, нельзя быть бессмысленным и смертным.

*Вот так выходишь за дверь говоришь день
Круги разбегаются по воде вызывая лето
А ты стоишь как дурак неизвестно где
И дерево впереди неземного цвета*

Екатерина Климакова

Светят

Подсолнухи над городом вразлёт
Так ослепительны так желчны
так прекрасны
что злые гости Города не властны
над тем что было
что произойдёт

И мрак и вихрь и ужас и чума
престолы и господства власти силы
всё в стороне
Подсолнухи красивы
красивы
светят
светят
что там тьма

Медлительная девочка зима
Срывает лепестки в подольчик млечный
Но свет не меркнет
Ведь
Подсолнух вечен
И светит
светит
светит
что там тьма

Дальше дальше после

Время задыхается от жажды.
Время пьёт дыхание твоё.
М - как мостик, мятый и бумажный.
Дальше - снег. И кружит вороньё.

Р - рукой пошарь, найди копеек.
Рван карман. Да тут довольно двух.
Т - трамвай. Он цепкий, как репейник,
Выбивает дробь, а с нею - дух.

Многоточья... Хватит многоточий.
Помни: там кондуктору не лгут.
Дальше буквы нету. Дальше - прочерк.
Черный прочерк, беленький маршрут.

Стой!
Постой!
Трепещет смятый мостик.
Вспышка! вспышка! - фея Тинкербелл...

Перед всем
и дальше - дальше -
После -
Слово начинается на Л.

Провода

мир измерен сосчитан
и в Книгу внесён
ну и всё здесь казалось бы
милые всё
край страницы обрывисто-
острый
а смотри ты на тысячи лет
провода
ниоткуда бегут дураки
в никогда
им не светит ни нового
неба вода
ни невиданно-новые
звёзды
а зачем повторяю
и тоже иду
словно провод и ток
да нащупать звезду
ощутить до обрывисто-
острого-острова-о стра
на страницах на буквах
за кромкой письма
где немислимый Свет
где за нас
где не-Тьма
и туда провода и тогда
провода/
Дураки - улыбаются
звёзды.

Лебеда плывет

Лебеда плывет, пыля,
память раскрывая.
Там лимонная земля,
горькая, родная.

Где берёзкам ветерки
сонно треплют косы,
там ходили коники
ямщика Федоса.

Там полынь плеснёт росой
утром рано-рано.
Это острое словцо
дедушки Ивана.

Там меж гор бежит Куйтун.
«Да не лезь, остынешь!»
Там давно зарос утут
бабушки Устиньи.

Там в Гнилой пади закат
в проблесках ромашек.
Там на кладбище лежат
деды, бабки наши.

И, когда темно в груди,
вспоминаю лица.
За окном ведет мотив
малая синица.

Первое пение

сон говорит трава говорит вода
яблоко разгорающееся потихоньку
вверх по ступенькам
прыгает без труда
баньку обходит справа
внезапно
звонко
трескается небесная скорлупа
тренькает стрелка и замирают в мире
все зеркала и льды и глядят туда
вверх и вперед везде
затворяйте шире
взгляд на полет планет
польхает льет
Свет не смолкает
Свет наступает
ближе
мальчик родился мальчик кричит
поет
Свет улыбается
пень его услыша.

там где всейчас

Из бездонного океана поднимаются
и глядят
глаза огромного левиафана мимо тебя

над головою
горящие свечи

в небо летят
части неведомой речи
светят

и светят над
тем где всейчас
небывалые белые
всходят цветы /райского сада?/

Девочка входит в Святая святых

все откуда-то знают
всё правильно
так надо

в океане в бездонном
тумане
улыбается и плывёт
рыба восход

Лодки из бересты

Ночь выдыхает пар.
Ночь выдыхает сон.
Звёзды на тротуар -
Тихий прозрачный звон.

А в небесах - мосты.
А в небесах - река.
Лодки из бересты -
Лёгкие облака.

Сумрак застыл, затих -
Знает: вот-вот блеснет
Там на бортах тугих
Дальним огнём восход.

Тонких, берестяных
Радостна белизна.
Знаешь, в одной из них
В город идёт весна.

На улицу выйдешь — тишь

На улицу выйдешь - тишь.
На хлеб её мажь и ешь.
Но совесть - такаямышь -
И брешь прогрызёт, и плешь:

Кчему пожирать пейзаж?
В белёсых ладонях луж
Осенняя тает блажь.
Вселенская бродит чушь.

Шипит: «Замолчи, глупыш!»
Кипит: «Захотел на фарш?
Не целься повыше крыш,
Иначе - шопенов марш.

Запомни: по адресам
Старуха пойдёт с косою,
А ей, ты же знаешь сам,
Так хочется голосов».

И вот на твоих часах
Безмолвия серый знак.
Но хрупкие небеса
Глядят: замолчал, бедняк?

Сквозь вьюгу, назло смертям
Стреляет свирелья трель,
И ясные все цвета
В твой город несёт Апрель

Может, правы

А может, правы те, кто верили,
Что год пройдет - печаль пройдет?
Из небыли - белейшим лебедем
Зима над городом плывет.

Что сбудется и всё, что скажется -
Сквозь дымку не видать пока,
Лишь звезд зерно в ночные пажити
Кладет незримая Рука.

пульс... позёмка... взгляд

Голову чуть налево. Выдохнуть. И смотреть.
Медленно - еле-еле - капает физраствор.
Снежная королева - это, наверно, смерть.
Стелется в ночь позёмка где-то за гранью штор.

Голову чуть направо. Вдох. И закрыть глаза.
Медленно, еле-еле, тропкой неровной - пульс.
Снежная переправа. Только туда нельзя.
Стелется в ночь позёмка... мягкая... ну и пусть.

Голову держим прямо. Пусть не мерцает свет.
Медленно - что поделать? - выдох. Секунда... Взгляд
Нежный, упрямый - мама... Взгляд между да и нет.
Взгляд не пускает в небель - рано, родной.
.....Разряд!

Тенькнув тетивою

Сердце, тенькнув тетивою,
Отпускает сны на волю,
Пух и перья, перья - пух! -
Превращая в белых мух.
«Будет-будет снег везде», -
Пишут вилы по воде...

Пишут-пашут...

Нашу кашу -
День ушедший, мир вчерашний -
Перепутанным клубком
Прячет солнце под замком
И садится у стола,
Гладит алые крыла.

Шепот ветра: с-снег... вез-зде...
на холс-сте... и на верс-сте...

Только печка тихо-тихо
Теплым взмахом сгонит лихо.
Ночь пройдет. Не станет зла.
«Как бело!»
Зима пришла.

Девочка играет на флейте

К ночи превращался в летающего пса,
Поднимался, влаивал,
гасли
белые свечи.
До точки падения оставалось
каких-то полчаса.
Человек в черном поднял глаза,
усмехнулся, перезарядил стечкин.

Но ведь он промахнется? Правда же?
Успокойся, я-то откуда знаю.
Обычно говорят: просто верьте.
Девочка играет на флейте
мелодию рая.
Надо же. А ведь верно - в раю не
бывает смерти.

Девочка играет на флейте.
До рассвета осталось полчаса.
На цветы выпадает роса.
Смерти нет,
вы поверьте.

Молчание отвечает

Так сквозь затмения немоту
прорастает немолчная нефть.
Видеть, говорит, не могу,
могу, говорит, гореть.

И обляпанные отныне
черной кровью земли
текут поезда по пустыне
за сто миллионов ли.

Небо взрывают стожары.
Драккары идут на восток.
И малый теперь, и старый
вливаются в тот поток –

в огромное коловращенье,
пожарище, клекот, стон
А ты что стоишь, священник?
Ты с кем говоришь – с кустом?

Молчание отвечает
драконьему королю.
Молчание нас прощает.
И говорит: «Люблю».

И скажется вдруг гамбург

И скажется вдруг «гамбург» –
и в небе плывет гамбург.
И в нём капитан памбург.
Усы его – лютый хмель.
В небесный проходит тамбур,
табак золотой курит –
и камбуровые трели
свивает ему свирель.
Внизу инженер ваня
плывет на своем трамвае.
В кармане
несёт месяц,
пургу, заводной абрикос.
В салоне поймав слово,
глядит на него сурово,
бормочет: «Оно не ново» –
и грозно вздымает нос.
Про это напишет Таня,
витая в садах синих,
сплетая во снах ветви
в подобие новостей.
А памбург грозит пальцем.
А ваня плывёт на льдине.
И сверху поёт грёза.
И нету её нежней.

Чёрно-белое перо

Рано кисти листопада
Окунаться в киноварь.
Лето, стой! Листве нарядной
Дай чуток попировать.

Засмущавшись, от заката
Слушать лестные слова.
И в тумане пальцы прятать,
Запахнувшись в кружева.

И посплетничать с сорокой.
И любить несмелый дождь...
Лето, ну постой немного!
Ты же к нам еще придешь?

Лишь смеется луч рассвета -
Так прищуренно-хитро.
И плывет, плывет по ветру
Черно-белое перо.

Диптих «По ту даль»

1. Сказка про пепел

Ветер шепнул пеплу:
«Как это - быть степью?»
Пепел смолчал. Мимо
Шёл восемнадцатый год.

И командир бравый
Нёс в кобуре правду.
Правду потом вынул,
Небо пустил в расход...

Ах, как дурманит ветер.
Ветер над бывшей степью.
Степью, что стала пеплом...

Солнце еще взойдёт.

2. Янычар сбоит, генерал

Бег. Бег. Бег. Бег.
Через всю Россию бег.
Век с улыбкою безумца
И безумный человек.

Снег. Снег. Снег. Снег.
Кружит, кружит над Невою.
И над степью огневою
Хлопья пепла - в устья рек.

Свет. Тень. Свет. Тьма.
Тусклый взгляд из-под фуражки:
Там, за тополем, в овражке
Скрыл тела густой туман.

Нет! Нет. Нет. Да...
Да, подписаны приказы.
Да, грузиться на баркасы.
А потом - куда... Куда?

Бег. Свет. Тень. Снег.
Одинокая собака
Жмётся у крыльца барака...
Где ты... Где ты, человек...

нищий коля курит в кулак

Нищий коля курит в кулак,
кашляет, прячет бычок.
Нищий коля жметя с морозцу,
ждёт, какой подойдёт дурачок.
«Здорово, братка, с праздничком...
Спаситя оспади».
«Здорово, мамка. Поможешь? Нет?
Ну, здоровья тебе, иди».
Не видать ни ментов, ни ангелов.
Молчат золотые главки.
Серчает погода.
Ну и славненько, думает коля,
вот и славненько.
Чешетя.
Чешет за водкой.

Так говорит старичок

старичок Херли Герли говорит со всеми подряд
с водосточной трубой
с ней так любит здороваться град
с безымянной собакой голодной четыреста лет
с белокрылым мальцом мастеращим в кустах арбалет
и с тобой ты не спорь это здесь это здесь это здесь
говорит что на свете за светом всегда счастье есть
счастье есть
говорит что на свете за светом потом не бывает беды
говорит там источник найдется живящей воды
говорит говорит Херли Герли со всеми подряд
и пока говорит об трубу не колотится град.

Будет день

Ночь - распахнутой двери чернеет проем...
А в него - облаков ключья.
Мы с тобою пойдём под тяжёлым дождём,
Под зубастым дождём - волчьим.

И закрутят ветра, засвистят, загудят.
Да в лицо - по губам, по сопатке...
Предрассветный, раскатный и звонкий набат
С лишних глаз отдирает заплатки.

Режет по полю сполох - свячёная сталь.
И развилка. Направо? Налево?
Эта тропка - куда? Во святые места?
Ржи полоска и полчища плевел.

...А за рекой, за рекою
За грозовой, огневою
На тегиве горизонта
День - раскалённой стрелою...

И за тучей заря
Выбирает наряд.
В чём на праздничек на люди выйти?
Платье в цвет янтаря? В цвет груди снегиря?
Или с кровью запёкшейся китель?..

До рассвета дойти - будет день. Белый день...
Отчего так в груди тесно?
В сердце - ветер. Он крутит ладью по воде.
А на мачте горит крестик.

Скрипкает тренькает половица

Скрипкает тренькает половица
быть ли не быть весне
половцы скачут и дым струится
в недогоревшем сне
Снег опрокидывается внезапно
Ветви берёз шуршат
Веришь ли нет ли а будет завтра
Светлым а даль свежа
Жар завершается кризис минул
Солнце из лужи пьёт

Хан Тугоркан с недовольной миной
Вертит в руках копьё.

И всё же — бывает

Я знаю, так не бывает.
Но вот раскрыт небосвод,
И льёт, и льёт, не стихая,
И тает, и тает лёд.

Я знаю, так не бывает.
Январь... На дворе - январь...
А дождь поливает трамваи...
И скверик... И старый фонарь.

И радуга в небе - двойная.
Внутри все трубит: «Вес-на!»
Я знаю. Так не бывает.
Но радуга...
Вот же она.

эльдорадо здесь

посв. Жестянке Лиззи

Пальцы тополя с похмелья
На ветру да на юру
Трутся в тряске корабельной,
Чертят: буду, не умру.

А по серому по небу
Из далёка далека
Сети тянутся, и слепо
Пляшут рыбы-облака.

Осыпается, смеется,
Лихорадочно дыша,
Дверца в день, где бьется солнце.
(...скрип осеннего ножа...)

Искры взгляда дня живого
Меркнут – сможешь помешать?
Слово, живо только
Слово...
(...взмах осеннего ножа...)

Сквозь сигнальный свет ракиты
Всё краснее кровь рябин.
(..падай! Падай! Ты убитый!
...Падай! Падай! Выходи!..)

Будет... Будешь! - я же знаю...
(..хруст морозной чешуи..)
Город мой идет по краю.
Не сорвись!
Живи..
Живи!

Хлопуша

Смутно мне.. Сижу за частоколом.
Я - стрельчишко. Зябко, зябко, братцы!
Колокол зудит, надтреснут голос.
Что за день сегодня? Глянуть в святцы,

Да кваску бы с хреном, да на печку...
Тише! Скачут. Эва, царь, вестимо!
Вишь, парик напялил - и далече,
На Кукуй отправился, родимый.

Что ж ему в палатах не сидится?
Постоял бы, что ли за, обедней.
Благостно! А он ужо к девице..
К немке этой самой непотребной,

Ляжками трясти с заморской курвой...
Ежли б эти мысли видел кто-то -
Выл бы я от собственной от дури,
Срал со страху да тонул в болоте...

Все мы, все мы тонем. Страшно! Страшно!
Ну, как завтра волки взвоют: «Любо!»
Да с верхушки той веселой башни
К нам на копыя кинут жонку глупу,

Старика со впальми щеками
Да мальчонку лет семи от роду...
Не людьми, а серыми волками
Будут рвать на части.. Броду! Броду!

Броду мне найти бы в том болоте...
Колокол умолк. Туман все гуще.
Скоро смена.
Боже, дай нам броду.
Чтоб не сгинуть...

-Эй! Уснул, Хлопуша?

Яя это кажется река

Яя это кажется река
только вот увы заведено
Яя побежит за облака
а выходит там зияет дно
и глядят друг в друга
я да я
волны бьются в самые края

рай мой раю
с края Твоего

рыбка рыбка
как найти Его

Когда смолкает лития вселенной

Когда смолкает лития вселенной,
В тиши
мерцает лед --
сквозь сны прошит.
Пусть глина тленна,
твердь и небо
тленны, --

Не спи душе, не спи! --
Мы будем
жить.

Во тьме поет Звезда --
Осанна в вышних.
Восстань, душе, восстань,
Ужель не слышишь?

И пение велит:
«Душа,
дыши!»

На желтых фотоснимках

на желтых фотоснимках
эки штуки
их видели все наверняка
крестьянские уродливые руки
прекрасные уродливые руки
и кажется
что это - на века

по улице пойдешь
и вдруг приснится
сквозь улицу встающий
желтый лед
гуляющих уродливые лица
и тающих уродливые лица
прекрасные уродливые лица
и кажется
и это все пройдет

Отрывки из предпраздничной постановки

Их в каждой гуще, в тяжелой толще -
орущих пуще, гремящих больше.
Но сквозь застолье на вечной сцене,
где вещей клоун орёт: «Измена!»
взойдет похмельным болиголовом,
толкая пробку, такое слово:

«Фронт.
Только с чем и зачем воевать?
Фронт со своею страной?
Чтобы историю выстроить вспять
Перед кирпичной стеной?

Так, чтоб бесцветный и заспанный день
Тёк, как смола по котлу,
Так, чтобы негде катилось в нигде
Даже в медвежьем углу?

Чтобы взмывали, спешили рвачи
Клюнуть разбухший карман.
Чтоб урчали рвачи: «Разреши
Все закрома - задарма!»

Так громоздится враньё на враньё.
Шествует вранов король,
Чтоб бытие превратить в забытьё,
Быль преломляя на боль...»

И снова в толще, в кудлатой пуще -
среди живущих, жиры жующих,
Среди спецащих прийти на смену,
туда, где буйно пирует сцена,
Воспрянет нечто - уже неробко

(умелый палец вминает пробку):

«Цыть, норкоманы, нацысты, молчать!
Тряпку могу одолжить.
Чо, захотели поднять Лукича,
Сдвинуть чижолый прежим?

Чтобы, ребята, присесть на ежа,
Треба стальные штаны.
Их заработай, а там уж решай
Судьбы огромной страны.

Если же кто-то к нам с чем да зачем,
Тот оттого... и тогда...
Лбов чото много, да к ним - кирпичей.
Это, ребята, беда!..»

Над сценой вьются, спуют, петляют
красные баттерфляи и синие баттерфляи.
За сценой пылает огромный фонарь.
У фонаря - дребезжащая дверца.
Перед сценой зияет условная хмарь.
Окна обозначены.
По сводкам гидрометцентра
местами
возможно
солнце.

И в это самое время
некий никому не известный человек
входит в тугие
(очень тугие)
двери

в ознаменование некоей кадровой перестановки.

Мы с вами этого не знаем.

Мы в это даже не верим.

Это просто отрывки

из предпраздничной

постановки.

Про цветочные часы

А в это самое время
из самых главных цветочных часов
высовывается усатое лицо.

Шевелит стебельки,
Раскрывает зрачки.

И
пристально, пристально
смотрит в небо.

А за небом - небо.

А за небом - небо.

А за небом - небо!

Лицо недовольно шевелит усами
И старается снова притвориться часами.

дватире

Человечки, свежие человечки!
Горящие спички. Коптящие свечки.
Прочерки. Многоточия.
Клерки-торговцы-рабочие.
А кто поутру сгорел.
А кто-то стрелял в сагре.
А кто-то читал в жж -
Да позабыл уже.
И лопались пузыри:
Замри! Не смотри! смотри!
От крика и до зари -
Стремись, дотянись
Тире..
В прореху свою дыши,
В застреху свою спеши,
Карабкайся поскорей,
Кати свой шар, скарабей,
Старайся, добро твори -
От кори и до кюри,
От крика и до зари
Стремись, доберись
Тире..
И вот догорает день,
И ветер подмял плетень,
И снег пригрозил лозе:
«Здесь в землю полягут все».
Все в землю полягут здесь...
Но знаешь, что Он воскрес.
За этих бомжей, моржей,
Рабочих и бурнашей,
Творящих незнамо что,
Катящихся в решето,
Дурающих по всей поре.

За точки и за тире.
За всех. За тебя, дружок.
Старайся пиши стишок.

Стирает ластиком эпоху

Стирает ластиком всю эпоху
в тетрадке школьник.
Стирает грудку еще на вдохе.
Совсем не больно.

Под стон курантов, под гром бокалов,
под плеск шутихи
к столу присядет служилый малый -
штгык-юнкер Тихий.

За каждый стол в той стране огромной.
Он - в каждой тени.
Присядет: «Здрасьте! Ну, как здоровье?
А где же Веня?»

По разговорам, по закоулкам
пойдут метели.
Чего-то горько. А в грудке - гулко.
Душа ли в теле?

Забьется, прянет галчонок-птичка
на грани вздоха:
«Смотри! Там небо берут в кавычки»...

Шкряб-шкряб, эпоха.

на билборде живы

В пьесу ворвались грозы.
Вот он, страницы край.
Автор, грядут матросы.
«Мурку», браток, сыграй.

Выгнулись новостройки -
Яростны и красны.
Шахты последней кройки
От горняков тесны.

Вышел вперед красивый
Школьник Иван Торчов,
И на билборде «Живы»
Он дописал: «Ты чо?»

...Дробно блестят окурки.
Светит квадрат окна.
Где-то играют «Мурку».
В город пришла весна.

Уголь жуй

Не смотрите, милые, не слушайте.
Люди помирают за гроши.
Лучше дома, чистенькими хрюшами,
суши жрать - себе же, не чужим.
Лучше лапать люсику в анталии -
жопу в горсть, ритмичнее дыши,
в дышла, в сопла, выше, ниже талии -
да, режим! давай еще, режим!
Не сужу... Я тоже, как и многие -
ох, не вхож в крутые виражи.
Кесарю воздать ли надо богово...
Жизнь, ты слышишь? Слышишь?
Слышишь жизнь?
Уголь жуй, захлебывайся нефтью,
бес-подобный, верный кошелёк.
Время есть еще. Ищи ответы.
Не солоноват ли уголёк?

В направлении Порываева – Порлоков

В это самое время в направлении
Порываева -
Порлоков
наступали
непредвиденные отряды
Морлоков.

Пилили кресты,
палили в кусты.
В кустах местами
кричали клесты.

В поле вставали
тракторы,
так и не доведя борозды.

Пристально, ясно
смотрела гроза.
Молнии были такие белые,
будто лилии вдруг расцвели.

Морлоки месили грязь.
Каких-то элоев найти хотели.
Долго искали.
Ни одного не нашли.

Оккупай пахлаву

Оккупай пахлаву и траву-мураву,
но подумай сперва головой:
если вдруг пахлава подомнет
всю москву,
будешь целый, свободный, живой?

Покупай балаклаву вместо лица.
Оккупай неудобный карман.
Но подумай о песне лихого свинца,
коль на месте «Ноггано» – наган.

Не у всякого есть запасная страна.

И душа, как ни бейся, одна.

И еще пара слов: у весны есть цена.
Только кровь не окупит она.

Три секунды перед рассветом в мае

Еще один май. Остановка.
Зима умерла, а весны еще нет.
И ветви в окне, как винтовки,
Остры и заряжены - зазеленеть.

Еще один май. Передышка.
Сквозь лето бежать, задыхаясь - потом.
Луны оловянная крышка
Светлеет вдали над горбатым мостом.

Еще один день. Как нелепо
И сладко - ловить этот ветер на вдох,
И взглядом расталкивать небо
С застрявшей на краешке тихой звездой.

Ты слышишь, ты слышишь: «Мы жи-вы» -
Три вспьшки.
И там, в предрассветной дали,
Весна - как стальная пружина.
Скомандуй ей коротко: «Пли!»

Были не были только верили

Летели метели
по чистому полю:
По синему полю небесной воли,
По белому полю земной юдоли -
На красном поле настигли их.
Клеймили милых калёной солью,
Песком да пылью кормили вволю,
И слово плакало в синем поле.
И в белом поле огонь затих.

Были - небыли,
летали, летали,
По' полю, полю, попали туда ль -
Едва ли.
Были - небыли,
были - небыли,
Были не' были - только верили
Были.

Шёлково, мило, легко зубоскаля,
Всех несогласных - в далёкие дали
К проливу.

В были - небыли -
Дальше от земли,
В были - небыли -
Да испепелить.
Петела - в петлю. Мало-помалу
В дальние небыли, светлые дали -
Счастливо!
Там, где метели уже не летают -
Счастливо!

Ксюшу любит Старый

А дворы-то..
Дворы - колодцы.
Не напиться. Гляди, прольётся
Прямо под ноги с поднебесья
Плач полуночи - песня песья.
Стёрты, спутаны... Сбиты лица -
В такт.
С толпой перелётной слиться.
В такт.
Держи эту ноту смеха.
«Понаехали!» - словно эхо -
По дворам-ветрам закачало.
«Ты не трогай меня, начальник!»
Тили-тили - не тесто.
Тесно!
Плач полуночи. Песня песья.
Если к зеркалу - лучше мимо.
Если стерпится - быть незримым.
Незаметным.
Мелькают спицы..
Лица? Слюбится? Торопиться
В такт и в такт - туда и за этим..
Ветер, где же ты, милый ветер?
Сквозь удушье - нестрой гитары:
«Ксюша, Ксюша, вас любит Старый».

Радостно. Печально.

Шелковую нитку перерезал дождик.
Радуга сломалась в серых небесах.
Осенью так просто говорить о сложном.
Почему? Наверное, ты знаешь сам.

В крапинку дорожки. Жухлые картинки.
День не дотянулся к пестрым чудесам.
Это очень просто - мир на половинки.
Почему? Наверное, ты знаешь сам.

Вздоргнуть - и мгновенно упадет молчанье.
Упадет молчанье - все накроет снег.
Верить. Верить просто. Радостно. Печально.
Это очень важно -
И тебе, и мне.

Светилась сгоревшая спичка

жжется у самой шеи, чуть ниже
сссс - это где-то змеится позёмка
человек смутился из дому вышел
и его в подъезде пырнули подонки

плакала полынь над крестами и обелисками
трассировали звездочки собираясь в дорогу
а тучи казались сплошными и низкими
как плиты как плиты прихлопнут не трогай

свистело и лаяло стоголосое эхо
ария призраков из леса тассо
куда поехал сюда поехал
телега упала сгнило колесо

но тонко тонко тонко чвикала птичка
напрасно стараются им не добраться
и светилась давно сгоревшая спичка
датской девочки
ганс-христианской

радость обреченных там у причала
печаль и веселье просто и вместе
обрыв и отрез - всего-то начало
вечные вёсны благие вести

скаска о камне

камень казался серым
солнце сказало: красный
это такая мера
счастья.

Про звездочета

В окошке мигает свечка.
За печкой скрипит сверчок.
А в небе - вечная млечность.
А у окна - звездочёт.

Известия неутешительны.
Бомбардировкою мёртвыхулыбок
Будут накрыты мирные жители -
Ровненько и без ошибок.
Известия удручающи.
Велено, милые,
правильно чувствовать.
Тут - подчинённые.
Там - начальники.
Хрусткий стандарт прокрустовый.
Известия...
месту сему быть пусто...
Известия -
как негашёная известь.

Но смотрит звезда - и тепло, и грустно.
И не оставит нас. И не выдаст.

Свете тихий - сквозь мгlistую вечность.
Где-то
чуть слышно
скрипит сверчок.
Точки в пространстве - звезда и свечка.
И у окна - звездочёт.

Чоки-чоки, чоки-чок

Чоки-чоки, чоки-чок.
В небесах идет бычок.
Да по лужам сентября,
Да по стуже января.

По цветам-подснежникам,
По лугам по бежиным,
Да по шатким мостикам -
Не к тебе ли в гости он?

Чоки-чоки, чоки-чок.
Ты куда идешь, бычок?
Чок копытцами, молчок.
Сам узнаешь, дурачок.

Встанут травы высоки,
Станут взгляды глубоки,
Раскраснеется листва,
Побелеет синева.

В руки ляжет колкий снег.
Звук погаснет. Смолкнет свет.

Чоки-чок. Чоки-чок.
Не спеши, постой, бычок.

Врут, всё вруткалендари.
Просто в небо посмотри.

Трое суток до рассвета.
Где же, смерть, твоя победа?

Зелёный шарик

Над домами летит зелёный шарик.
Над домами мигает луна большая.
И громко - как громко палят из пушки.
Может быть, шарик кому-то мешает?

Праздник, праздник. К полуночи точно
Встретим достойно и, может, досрочно.
А дурацкий шарик - кому он нужен?
(Ни волнуйтесь, кэптен, купити цветочик).

Праздник, праздник...

Мимо
крашенных елок, быков из резины,
Мимо
звезды и смерти продуктовой корзины
Осколочек лета - дурацкий, воздушный -
Летит.
Хоть об этом его не просили.

Летит...

тогда не помогают провода
ни россыпь слов в беспроводном центоне
от берега толкнувшись в никуда
в беззвучной речке снова солнце тонет
и дна не видно слову никуда
ни зги не отыскать в кромешном граде

звезда

ты помнишь ясная звезда
кричавшего с оконного квадрата
молчавших всех
с обратной стороны
ушедших всех
в овраги и вороны
шершавые потеки белизны
у края ненаписанной иконы

обратной невозвратной стороны
где было бы совсем черным-черно
ведь хлеб пока что хлеб вино – вино
но все же

но

Три меры

Чёрным по белому.
Части и целое.
Звёздочки. Точечки. Взгляд.
Пар и дыхание.
Рано. Да рана ведь -
Твердь...
Отпускает земля.

...А ступеньки скользкие...
...А звезды острые...
Но если проснулся в полете,
Лови этот воздух,
Пройди этот воздух,
Ведь всё-таки дальше -
рассвет.

Гроздь рассыпаны.
Небо навывкате.
Плещет в точильне вино.
Пар и дыхание.
Сколько оставлено?
Сколько уже сочтено?

...А ступеньки скользкие...
...А звезды острые...
Но если проснулся в полете,
Лови этот воздух,
Пройди этот воздух,
Ведь все-таки дальше -
рассвет.

Чёрным по белому,
Да не сгорела бы -
Только б осталась она
В книге за Млечным.
Встречная вечность.
Вечная - встречно - весна.

...А ступеньки скользкие...
...А звезды острые...
Но если проснулся в полете,
Лови этот воздух,
Пройди этот воздух,
Ведь всё-таки дальше -
рассвет.

Семь шагов

Семь шагов мы учились летать -
Ох, разбиты поля.
Семь снегов принимала земля -
Божию благодать.
Выли волки. Кружилась луна
В тихом омуте. Но
Верим твердо, а правда одна -
Кровь
Превратится
В вино.

По полям пробегает волна -
Ветер клонит польнь.
По глазам - неземная весна
Сквозь осеннюю стынь.
Страшно это, но входит любовь,
Заслоняет стеной
От пылающих вечных оков.
Кровь
Превратится
В вино.

То не сказка. Не веришь пока?
Все нормально, малыш.
Будет время большого броска -
Ввысь от сумрачных крыш.
Не пропеллер прорвет облака -
То, что было зерном,
К небу прянет.
Ты видишь закат?
Кровь
Превратится
В вино.

Стынет в кружках чай

Бьётся муха о стекло.
Стынет в кружках чай.
Я скажу, что все прошло.
Ты не отвечай.
Ночь - немой водоворот
В чёрной полынье..
На стене - теней полет...
на твоей стене.
Звякнет ломкая звезда
В блюде на столе.
Зябко дрогнут провода
В сумрачном стекле.
Все не так...
не так...
не так!
Замерзает взгляд.
Видно, с месяцем не в такт
Вертится земля.
Лихорадочны часы
В зеркале твоём.
Тает капелька росы
Над слепым огнем.
Тихо трогает крыло
Первую печать...
Бьётся муха о стекло.
Стынет в кружках чай.

Когда замолкают деревья

Когда замолкают деревья
И ветер сбивает пламя
У ночника над окошком
И все так отчетливо остро
Да только рукой не потрогать
Да только слов не расслышать
Тогда

 По дорожке подлунной
Беззвучно - как память тает -
Ты подойдешь
Услышат?
Ты прикоснешься
Вздогнут?
Скажешь

 Люблю -
 очнутя?
от горечи горечи в горле
Очнутя?
Очнутя слезы
Качнутя -
Сорвутся звуки
Со струн где-то в сером небе
А большего и не будет
Говорят, там свет не мерцает
Говорят

Не надо дальше.

Лаймерик

Подари мне горностаю, Теленн Гвад,
Мы уходим, не прощаясь, на закат.

От порога до рассвета краток путь.
«Смерти нету... Смерти нету..» - бьется в грудь

Ветер. В такт - ударам сердца. Смерти нет -
Если любишь. Если веришь. Если свет

Тихий - видишь?- отражает милый взгляд.
Мы уходим, не прощаясь, на закат.

Пристыжена рассветом

Пристыжена рассветом, стихла стужа.
Синицы в синеве ярчайшей кружат,
Топорщатся и порскают, смеясь.
И всякое дыханье - дерзко, робко,
Чуть слышно, колокольню, стройно, ломко -
Поет и льет земли и неба связь.

Так стоит жить. И птичьи трели слушать.
Не думать, кто здесь плоше, кто здесь лучше,
Чья грудь в крестах, чей крест под тем кустом.
И звезды, набирая обороты,
Построятся по строкам и по ротам -
И потекут под тот мотив простой.

Но только, умоляю,
не пиши:
Про кофе, увядание деревьев,
Скинхедов, притаившихся в глуши,
Про жизнь и смерть,
Про древние деревни,
Про кеды, про чизкейк и колбасу,
Про твиттер, про понос и про доносы,
Про каплю,
что повисла на носу –
И прочие вселенские
вопросы.
Про что тогда?
Не знаю, мил дружок,
Но главное –
уверенно, сурово –
и только так!
Иначе твой стишок
Припишут, скажем,
Вере Полозковой.
А Полозкова скажет:

«Извини,
но я же не пишу такой херни!»

человечки = совсем не то
чтобы хрупкие маленькие конструкты
пропущенные через небесное решето
на желтой странице черные буквы

а там посмотри насквозь и за
огромные и потому незамечаемые
виднеются любящие глаза
в самом сердце вселенской печали

хрупкая радость маленького цветка
в самом сердце вселенского бетона
светятся лепестки почти знакомого языка
чуть выше и тоньше повсеместного тона

Музыка над миром плывет

Генварь старательно
прицеливается.
Февраль стреляет на поражение.
Это просто проверка целостности
твоего внутреннего изображения.
Там вырастают разноцветные
леса,
над ними плывут изумленные
луны.
Февральская пуля,
коснувшись твоих волос,
мгновенно превращает
их в струны.
И музыка над миром плывет.
Музыка над миром
плывет.

Две стороны у неба

Здравствуй, второе счастье -
В зубы дареной ложкой.
По простыне столетий -
Звонкой крапленой картой,
Солнышком на ладошку,
Медным грошом кометы.
Треснул зеленый бархат.
Грянул великий праздник.

Это лишь минута
Перед ярким светом,
А потом не будет
Ничего другого:
Две стороны у моря,
Две стороны у неба,
Кто ты? Определяйся -
Завтра будет поздно.

Завтра будет праздник,
Завтра будет праздник,
Завтра будет ясно -
С запада солнце встанет.
Кто нас всех окликнет,
Вытащит из подклети,
Из простыни столетий,
Из рукава кафтана?

Это лишь минута
Перед заповедным,
А потом не будет
Ничего другого:

Две стороны у моря,
Две стороны у неба,
Кто ты? Определяйся -
Завтра будет Слово.

Три шороха

Шорох многоэтажек.
 Привычка не спать по ночам.
 Скорее на крышу шагни из окошка,
 по красным пройди кирпичам.
 Прислушайся: крысы? А может быть, люди -
 в своем освещенном углу...
 Двое внизу. Он мечтает о чуде,
 она - о чудесном рокфоре к столу.
 Убьют - не убьют? Не надейся напрасно...
 Убьют - не убьют? Если ты станешь красным,
 И шкура твоя, и усы...
 Каким же родится твой сын?
 Таким же
 Безумно прекрасным.

Шорох многоэтажек. Лифта надтреснутый блюз.
 Чья-то душа затерялась в проемах
 так и не понятых чувств.
 Двое- на лестнице... Двое - в квартире...
 Люди? Не все ли равно.
 Может, она не мечтает о сыре. Может, она пьет вино.
 Может быть, ты просто зритель в театре.
 Может быть, просто игра.
 А может быть, ты застрелился в мансарде
 Под именем Орт Галеран.

Шорох многоэтажек. Пыль покрывает следы.
 Но, если ты веришь, то встретишь однажды
 слово зеленой звезды.
 Но, если ты веришь, то сможешь без страха
 По млечным шагать облакам.
 Здравствуй, звезда! Кровь залила рубаху...
 Люблю - слово теплое, певчая птаха
 В маленьких милых руках.

2000

Романтика?

Просыпаться в грязи - не в постели.
Выполнять идиотский приказ.
И потери. Потери. Потери.
Каждый шаг. Каждый вдох. Каждый час.

Хороша - на большом расстоянии -
Эта чортова баба - война.
Нет романтики в мертвом бурьяне
В поле, вспаханном градом гранат.

Деньги. Деньги. Огромные деньги -
И мотив, и движенье, и цель.
А орудие - Ваньки и Генки...
Скорбно небо над кучами тел.

2007

День

День - тихо звенит трава..
Звезды...
Вскинь
руки и успевай
в прозимь
Еле скользнуть
сквозь осенний порог
Тронуть струну
вет-ра
День -
тихо звенит твое
ле-то.
День -
тихо поет твое
Лето -
Там -
Там, где родится сон
Там, там, где летит сова
К звездам.
Свет.
Огненный горизонт.
Здесь
Наши идут с тобой
Весны.

День.

Песенка подмастерья

На каждом листе - по капле росы,
Всегда и везде по капле росы.
И в каждой сверкает солнце.
Когда бы роса - да ни капли слезы,
Всегда и везде - и ни капли слезы..
Да ласковым было солнце.

И каждый росток был бы им согрет,
Да, каждый росток был бы им согрет.
Цветов бы на всех хватило.
Ах, если бы добрый и тихий свет,
Всегда был и добрый и тихий свет,
Земля бы щедрей родила.

Но тучи грядут в неурочный час.
Всегда и везде - в неурочный час.
Когда бы светило солнце
В тебе и во мне, и в каждом из нас,
Всегда и везде, и в каждом из нас..
Когда бы светило солнце...

Про Ксюшу и облако

В мире уличных музыкантов, бродячих собак и безумных гоблинов
Пешешествует Ксюша пиарщик - то ли посуху, то ли по небу.
И если на облаке висит табличка «Осторожно, окрашено!»-
Она непременно туда усядется, никого особо не спрашивая,
И будет, болтая ногами, выдумывать дивные странности...
А потом, изловив электричку, в минуту особой опасности
Вприпрыжку поскачет-помчится до ближайшего мозамбика -
Выручать друзей от серого мрака и тупоконечного сдвига...
На самом деле у нее сейчас бабушка лежит в больнице,
А Ксюша приглядывает дома за дедом - мало ли что с ним случится?
Но знаете, небо скучает оттого, что никто, особо не спрашивая,
Не садится на оранжевое облако с табличкой:
«Осторожно, окрашено!»

Что рисуешь ты, дружок

Точка, черточка, кружок.
- Что рисуешь ты, дружок?
- Это - солнце. Это - ветка.
Это птички. Только в клетках.
- Почему?
- А потому.
Потому что по уму.
Чтобы птички песни пели.
Никуда не улетели.

В клетку серые тетрадки.
В клетках цифры по порядку.
В клетку целая страна.
Люди. Звери. Имена.

По порядку. По разметке.
В клетку. В клетку.
В клетку. В клетку.

Точка. Черточка. Кружок.
Что рисуешь ты, дружок...

Серебристо-синего цвета

Снежевика - такая ягода
Серебристо-синего цвета.
Вырастает в краях, где мамонты
Осторожно качают рассветы.
Вырастает в краях, где осенью
С неба часто сыплются звезды.
Тонкий-тонкий звенящий мостик.

Семь ли звезд?
Может, даже восемь...

Там, где детство заводит яркую
Чехарду и неразбериху.
Снежевика - такая ягода.
Да попробуй ее найди-ка.

На перекрёстке пьеро

В. Др.

Отчего тараканы не живут в троллейбусных поручнях?
Отчего пыль завивается - и чуть горчит на обочине?
Отчего в бане веничек шелестит, будто целая роща?
Отчего мир не становится ни чище,
ни хоть чуточку проще?

На городском перекрёстке
какой-то пьеро
нам приветливо машет.
На кого-то похожий. Спроси?
Только он всё равно не расскажет.

Читая Светлану Ширанкову

Город не стоил праздничного безумства.
Город застыл, кошачьи зрачки сужая.
Все короли уткнули носы в капусту.
Встала луна, немислимая, большая.

В домике под ольхою, у самой крыши
Стукнула ставня, дрогнув, пригнулась свечка.
Тише. Прижмурься. Сможешь тогда услышать
Шорох шагов бумажного человечка.

В домике том, в мансарде уснул-забылся
Клирик, отпетый лирик, увы, заштатный.
И человек бумажный во сне родился,
И побежал по лунной дорожке шаткой.

Вдаль устремились звери-единороги.
Вдаль зазмеились реки по синим травам.
И унеслись кареты. Ушли пироги.
Нету уже на них никакой управы.

Сказка исчезла - тихо и не прощаясь,
Так, чтоб никто-никто не нашел пропажи.
И, на ветру качаясь, бумажный палец
Звезды стирал с чернейшей небесной сажи.

Осенняя песенка паяца

Паяц, пропой, пока горит заря
Над куполом пустеющего цирка,
Где осень, лишних слов не говоря,
Вершит всесокрушающую стирку.

Пляши, паяц, пока еще живет
Медлительный, бледнеющий румянец.
А осень - что... Она возьмет свое.
Но губы шелестят. И кружит танец.

Пусть песенку нелепую несёт
По площадям, по выцветшим аллеям.
О, слава Тебе, Господи, за всё...
Я по-другому славить не умею.

В старой таверне

В старой таверне веселый пир,
стены и пол - ходуном.
Деревенский люд
Безо всяких причуд
Наливается красным вином.
Ставни дрожат, и огонь в печи
В бешеной джиге летит.
Лишь старик один
В серебре седин
Не поет, а сурово молчит.
- Отчего, отец, ты с нами не пьешь?
Отчего так невесел взор?
Или мед не хмельной?
Или эль не хорош?
Или слишком грубый наш хор?
- Нет, сынок, не то. Вроде все на лад -
И дела, и веселья час.
Только слышал я,
Что у вас в краях
Солнца свет среди дня погас.
Слышал, будто с гор
Доносился хор,
Будто эльфы вели хоровод.
Будто слышен стон -
То летит дракон,
Кровью выкрасив зеркало вод.
- И не пил, а пьян!
Что ты мелешь вздор?
Иль рехнулся на старости лет?
Эльфы в Море ушли,
Где же их корабли?
А дракона простыл и след.
Но раздался крик, и затрясся дом,

Гости выпивку бросили вмиг.
- Гром! Пожар! Горим!
В небе черный дым.
И камыш к стремнине приник.
И в зарнице красной явился зверь -
И крылат, и страшен, и скор.
- Помогите! Дочь! Элинора...
В ночь
Улетает невиданный вор.
И старик вдруг встал.
Где его седина?

Где морщины? Возникла стать,
Появился витязь былых времен -
И с мечом, и готов на рать.
Он ушел один, и прошло три дня.
Горы слышали крики и рев.

Полыхал огонь, точно красный конь,
Рассыпая искры подков.
Он вернулся с девой.
Наутро вновь
Уходил в дорогу
Старик.
Но ушла за ним,
Как за ветром дым,
Элинора Прекрасный Лик.

1996

Кубинская

Время считать патроны.
Время багровых зорь.
Выщвели вдруг знамена -
С этим теперь поспорь.
В небе, над серым ветром,
Птица кричит нам вслед:
«Патриа о муэртэ!»

Патриа о муэртэ...
Патриа о муэртэ.
Родина или смерть.

Дробно мерцают струны,
Рушится медный строй.
Чтобы не стало трудно,
Ныне, гитара, пой!
Просто не верь приметам,
Есть лишь один ответ:

Патриа о муэртэ.
Патриа о муэртэ.
Патриа о муэртэ.
Родина или смерть.

Вместе - нельзя иначе.
Молча нельзя теперь.
Кто это на раздаче:
Шанс? Неизвестность? Твердь?
Кровью на пальцах меркнет
Первой любви рассвет.

Патриа о муэртэ.
Патриа о муэртэ.
Патриа о муэртэ.
Родина или смерть.

2000

М. Щербакову

Господа архангелы, всё нормально:
Небо - в полоску, земля - в уголёк,
Вальс последний, тур прощальный,
Наш нечаянный рагнарёк.

Мы не хотели - честное слово! -
Убивать детей, взрывать дома.
Но в глазах летел вальс крысолова,
С каждым тактом сводя с ума.

Люди обычные, дела привычные -
Куклами тряпичными в ловких руках.
Звездочки на плечи, господа опричники,
Господа архангелы, всё тик-так.

Строем, маршем, нет земли - по небу,
Раз-два, левой-правой - вальс поёт!
Звонкая песенка - следом в Лету,
Чёт, чёт, нечет, нечет, чёт.

И километры - вечность за вечностью -
Не отмеряя, руби сплеча.
От ненужной жизни скоро излечим -
Участь примерного палача.

Господа архангелы, всё нормально,
Небо - в полоску. Земля - в уголёк.
Вальс последний. Тур прощальный.
Наш нечаянный рагнарёк.

1999

Дурак в стране дураков

Он идет по рельсам
чужой забытой отдаленной весны
Он парит эдельвейсом
рваного облака пороховой гражданской войны

Иван-дурак
В стране дураков
Иван-дурак
Что нашел такого
Позабытую кепку
Случайное слово
Да пару горелых подков
Иван-дурак

Соседи косятся ну куда он прется
Соседям не нравится это уродство
Зачем он приبلудный больной идиот
По рельсам идет и песню поет

Иван-дурак
В стране дураков
Иван-дурак
Что нашел такого
Позабытую кепку
Случайное слово
Да пару горелых подков
Иван-дурак

А по сердцу - нож
да в затылок - обрез
Ивану пофиг вас он не съест
Но вот за ним потянулись люди
Глядят и думают Что дальше будет

Иван-дурак
В стране дураков
Иван-дурак
Что нашел такого
Позабывтую кепку
Случайное слово
Да пару горелых подков
Иван-дурак

Ивана распяли на ветвях березы
Глаза ему закрывали стрекозы
Листва ему стала одеялом
А ему-то дурню все мало мало

Иван-дурак
В стране дураков
Иван-дурак
Что нашел такого
Позабывтую кепку
Случайное слово
Да пару горелых подков

И пошел тропинкой нехоженой
Говорят за спиной
пустозвонно все равно
А тропинка вела невозможная
До небесных звезд
До лучистого снега
До седьмой свечи
До последнего ответа

Может примут там гостя непрошена

Иван дурак

1995, 2008

Палочка феи штопальная игла

палочка феи штопальная игла
сказку поправит сказка пойдёт иначе
вспять повернув дуралея найдёт стрела
ветер лягушечью жалость в болотце спрячет
в сером бору на постылом сыром ветру
вздрогнет рябинка вспомнит свой сон о прошлом
бальную залу гобоев стремглав-игру
тычет иголка в звёзды и сыплют крошки
выступят снегири на груди земли
верба шепнёт неслышно не верьте смерти
властно стежков цепочки сметёт прилив
ясный прилив непреклонного взгляда Герды.

Команданте

Команданте идет через сельву
Команданте глядит в пустоту
То ли ночь То ли дождь То ли север
То ли бомба упала в мечту

Он мачете срубает лианы
Автомат как всегда за спиной
Он идет мокрым воздухом пьяный
Он идет уже очень давно

Где-то пламя ударит по крышам
Застучит-запоет пулемет
А душа будет рваться все выше
Рваться в яростный бой как в полет

Это просто такая работа
Это просто и очень старо
Это значит идти за кого-то
Вечно юный и красный террор

Дождь срывается вновь над Сантьяго
А по сельве идет не дыша
Выполняя посмертно присягу
Че Гевары ночная душа

1999

Театр

Театр.

.....Театр - под распахнутым небом
сквозным,
Декорации - красные, желтые - август.
Встань же, встань!
.....Сквозь дрожание медной струны
Прорывается пенье - с подмостков
на пандус.

Рай?

.....Рай - это карее небо, безумье в глазах,
Безупречный полет, тонкий плач белой птицы.
На мгновенье Творец наши судьбы связал,
Рядом с жизнью - граница -
и смертью - граница.

Здесь не шутят. Совсем. Шут имеет за это статью,
Приговором суда обращен в злую куклу.
Вера в чудо, надежда на утлый уют
И любовь -
только буквы,
лишь хрупкие буквы..

Скоро осень. Пора собираться - и вверх, на крыло,
По следам беспокойного клина
паяцев, поэтов,
Но ведь это - Театр,
мы на сцене,
стоим под стеклом.
И прожектор в лицо.
И сквозь пальцы на горле

ручьём
льётся
лето

2000

На зелёные луга

Небо вечернее в грезах зеркальности сфер,
Танец по кругу мерцающей звездной баллады.
А по земле кружит серость осенних потерь,
Вальс безнадежных ночей облетевшего сада.
Вальс - спотыкаясь в обломках слепых фонарей...
И по кустам, по оврагам - вперед за рассветом.
Детские взгляды по небу проводят острей
Рваных осколков взорвавшейся синей планеты.

Гуси-гуси, га-га-га.
И дорога вдаль легла,
За собою увела
На Зеленые Луга.
От бессмысленных обид,
От растресканных дверей
Вас дорога защитит,
Торопитесь же скорей
На Зеленые Луга.

Вот за слепым поворотом вдруг вспыхнут огни,
Треском нальется свинцовая дрожь автомата...

Знаешь, с тобою мы здесь не остались одни
У багровеющей яркой полоски заката.
И над прозрачной сиреневой дымкой опять
Дрогнут огни на проселках усталого лета...
Знаешь, недолго осталось еще прошагать,
Глядя на реверс истершейся звездной монеты.

Гуси-гуси, га-га-га...
Нас с тобой зовет звезда
По дороге - вдаль, туда,
На Зеленые Луга.

Флэйк цу флэйк - крылом к крылу.
Пусть надежда озарит
Путь по яркому стеклу,
Путь за гранями орбит -
На Зеленые Луга.

1996

чапаев блюз

Пахнет острым полынный ветер
В целом свете, в бессонном свете,
И глаза моей луны грустны.
Чуть дыша,
Тихо бродит ночь по кругу -
Кобылицей по седому лугу.
Над рекою камыши
На ветру
Дрожат.

Петька в дурке, Чапаев в бурке.
Слышно, белые в Оренбурге.
Кто — чужой, кто - свой здесь,
Разбери — пойми.
Петька в дурке, Чапаев в бурке.
Слышишь, белые в Оренбурге.
Пустота бескрайняя
В степи
Не спит.

На белесой стене — тени.
Как же странно казаться теми,
Кто в звенящей ночи
Рубит свет клинка.
А пока
Спой мне блюз про унылый ветер,
Про бездонный степной ветер.
Он свободен,
А мы-то - где?
Мы с тобой
В облаках.

Петька в дурке, Чапаев в бурке,
Поезд. Белые в Оренбурге.
Кто чужой, кто свой здесь -
разбери, пойми...
Ты пойми -
Петька в дурке, Чапаев в бурке.
Поздно.
Белые в Оренбурге.
Пустота не спит.
А кто трубит?
Ты слышишь?

Пусть же ночью тебе приснится
Неоконченная страница,
Стрелка вздрогнувших часов
И реки стрежа.
Урал.
Ты предчувствуешь, что случится.
Ночь в биении крыльев птицы.

Желтой лампы круг,
И за ним -
межа.
Бежал

Петька - в дурке, Чапаев - в бурке.
Гой же, вещи вы каурки.
Степь от зарева красных звезд дрожит.
Дрожит.
Петька в дурке, Чапаев в бурке.
Это сказки от дуры-Нюрки.
Солнце - где оно?
Ты скажи мне
Скорее.

2000, '07, '13

Ф. Г. Л.

Я и гитара - на тонкой струне
Болью звенящей в застывшей весне
Мы покидаем окрестную вечность
Тесно прижавшись к расстрельной стене

Дрожь отразится на черном стволе
Дрожь проползет по свинцовой пчеле
Выстрел ударит костер разжигая
Звезды с утра народятся в золе

Где же вы люди куда вы ушли?
Что же вы люди понять не смогли
Зверь пробуждается в душах сожженных
Слово хрипит из смоленной петли

Я и гитара - на тонкой струне
Отблеск костра на расстрельной стене
Мы покидаем окрестную вечность
Боль наших песен вернется извне

1999

Кто готов не побояться

Кто готов не побояться, -
Хоть билет уже оплачен, -
Не смеяться над паяцем,
Если тот на сцене плачет?

Ведь под вывеской дурацкой
Пляшем целую неделю.
Кто захочет разобраться,
Где дурак на самом деле?

Разом, братцы! Улыбаться.
Раздаваться. Не прогнаться.
Над гримасою паяца
Кто смеется? Все смеются.

С неба - песня херувима.
Из глубин - лихая пляска.
И на сцене - маска мима.
Только есть ли эта маска?

Паровозик

Паровозик мчит по кругу,
Паровозик мчит по кругу -
По фаянсовому блюдцу.
Выдыхает пар упругий,
Выдыхает пар упругий.
Облака над ним смеются.

Отражают хрупкий город,
Отражают хрупкий город
Стены белой чайной чашки.
Он растает слишком скоро,
Он растает слишком скоро -
Невзаправдашний, пустяшный.

Отчего же вдруг тревожит,
Отчего же вдруг тревожит
Иллюзорная картинка?
Хочешь крикнуть: «Осторожно!»
Хочешь крикнуть: «Осторожно!»
Машинисту-невидимке...

Пробивая паутину,
Пробивая паутину,
Вверх летит свисток нелепый,
Паровозик рвет картину,
Паровозик рвет картину -
И уходит прямо в небо.

Пело, пльвя

Еле сплетённое бледное пламя
Хлев озаряло едва.
Пламя, сплетённое вовсе не нами
Вслух лепетало слова:
«Слава и ныне, и днесь, и навечно», —
А про себя — и без слов —
Пело, пльвя.
В яслях спал человек,
Кто есть Любовь.

В полушаге

Солнце слепое. Мир, задохнувшись,
Черпает воздух, губы белеют.
Море иссякло.
Кончилась суша.
Дальше - по небу. Дальше - больнее.

И в полушаге, нет, в полувскрике -
Голос сорвался, дрогнули крылья -
Тикает... Тикает... Тикает тихо
Стрелка по надписи: «Небытью - бытью».

И нестерпимо жжет по изнанке
Места, которое звали мы сердцем.
Все начинается на полустанке.
Крик.
Первый крик.
Первый возглас младенца.

Когда умирают сказки

На площади книги жгут. И пепел влетает в окна.
На площади люди ждут, Того Чья Рука Не Дрогнет,

Того Чьи Глаза Не Спят, Того Чьи Слова Правдивы.
И черный стоит отряд. И глотки взрывает: «Вива!»

Постой. Не ходи! Постой! Но только она не слышит.
Лишь воздух шипит сухой на той раскаленной крыше,

Где осень еще жива. Девчонка идет по краю.
Во взгляде поют слова. И солнышко не сгорает.

Секунда дрожит, дрожит. Костер продолжает пляску.
Постой. Это нужно - жить.
Когда умирают сказки...

Злато заката не пахнет

Злато заката не пахнет.
Щурится мёртвая мгла.
Целится в небо с размахом
Башни Останков игла.

Міру - потоки эфира.
Ангелы здесь не в цене.
Тренькает мерная лира
Звонкое время монет.

Песня ясна и прекрасна.
Ноты - зияющий снег.
Тропку в заветное Царство
Сможешь сыскать, человек?

Про дождик

пароходики
блюзики миссисипи
листья скользят по грязи
и несёткеросином
лето
лето
боюсь ты уже бессильно
даже если бы все тебя попросили
пароходики
голосом схожие с журавлями
только гортанней
только чуть-чуть железней
смотрим на них за далями и нулями
много нулей -
ведь это зовется
резвость?
много нулей -
ведь это зовется
вечность?
треск паутинок
в баньке на огороде
дырочки бублички
нечто ничто конечно
дождик мой милый дождик
умой уroda
не отвечает
тихо идет
хороший
капает капает в дырочку
за душой
и укрывает лето большой рогожей
спи дорогое
рядом с папашей джо.

Лица

А по небу дым. А по нёбу - гарь.
С ветром полети к дальним берегам -
Снится?
К дальним берегам времени-реки.
Взгляд - на пережат. Ветер, помоги
Птице.
Ночь огнем горит. И в людской крови -
стены.. фонари.. стены.. фонари..
Лица.
Взгляд - на пережат. Ночь крылом покрыв.
Снова тут и там - взрыв.. и взрыв! И взрыв!
Снится?

Будут времена,
чтобы не пылал
порох?
Будут времена,
чтоб живым стоял
город?

..Лица..
..Лица..
..Лица..

Скрипач играет на ветру

скрипач играет на ветру
взрывая ветер
в разрывы видно
ведь умрут и те и эти
но поутру когда умрут
вдруг станет тесно
и Свет
сыграет на ветру
и все воскреснут.

Про храброго дядю Святослава

«Шорох роскошных багряных одежд
Рассек он свирепой молнией.
От ильменских земель до хазарских веж
Имя надолго запомнили.
Пыльной рекою по желтой степи
Стелются кони. Кольчуги блестят.
Зорями ярыми путь перевит.
Ветры, мрак рассекая, свистят.

«Иду!
Иду на вы!» -
рек князь.
Беду - славу вьет, смеясь,
Ветер войны. В нем имя твое -
Святослав.

И молвит Цимисхий, главу преклоня:
«Свиреп сей муж. Ибо злата не нужно.
Но жаждет увидеть лишь отблеск огня
В узорах булатной крепи оружия.
Но долго ли, князь, будешь мчаться ты
В грохоте сечи, как вихрь могучий?
Час придет, и в лицо беды
Всадит твой взгляд неверный случай...»

«Иду.
Иду на вы», -
рек князь.
Беду -и славу вьет,
смеясь,
Ветер войны. В нем имя твоё -
Святослав.

«Но пока еще есть сила в руках -
Небо, дари сполохом грозным,
Прадед, дай верный удар клинкам,
Доля, зажги лишь добрые звезды».
И небо внимает речи твоей.
И степи пронзает взгляд светлый.
Кречет, лети! Лей, соловей!»

...

...

«Дальше, ну, дальше! А он - как Бэтмэн?»

добеги

ветра вздох - погаснет свечка - и опять вздохнёт.
человечна эта вечность? шаг-обрыв-полёт.

чистый лист - и вдруг навывлет сквозь пургу и лёд -
память. имя. вынуть выйдет? шаг-обрыв-полёт.

на секунду гаснет свечка... ради? вопреки?
буквы, строчки, человечки - только добеги

взглядом талым до рассвета - сквозь разбитый лёд -
в небо. в небо. там, где лето. взгляд-разбег-полёт.

шепчет

Как тебе спится во снах чужих,
Аль-Рашид?
Горло ли не першит?
Тысячу раз повтори: «Халва!» -
это одни слова.
Краденной, краденной сказкой жив,
Аль-Рашид,
Шепчет тебе самшит.
Воздух - как замша, вода - как прах
на девяти ветрах.
Торной дорогой своей кружи,
Аль-Рашид.
Верь: ты пока что жив.
Пэри ли, ворон над головой -
Что тебе, милый мой.
И не смотри ты в глаза любви,
В токи живой крови.
Сердца не слушай, хоть в нем копьё,
Сердце ведь не твоё.

Джонни

И серые клыки многоэтажек
Вгрызаются в подветренную пряжу
Трясут трясут
и мертвенная манка
скрывает швы и ссадины и ранки
Земля вздыхает
сколько в этом звуке
смертей рождений радости и муки
Зверей убьют забросят на помойку
И новые родятся в новостройках
Под песню ветра бьющего в стекло

Бело Бело Бело

Мёртвая манка растает
Живою водою станет

Мёртвая манка растает
Живою водою станет

Там, за кромкою звездопада

Не желай ничего, не надо:
Там, за кромкою звездопада
Всё равно ведь известно всё.
Пусть летят золотые рыбки -
Слитки, искорки - яркие, зыбки.
Ветер северный их снесёт.
Пусть дрожат притяжений нити.
Страсти шепчут: «Скорей! Взгляните!
Ну, пожалуйста, хоть чуть-чуть...»
Там, за кромкою звездопада -
Дальше? Ближе ли? Где-то рядом
Букв небесных простая суть.

А на землю зима ступает.
Шаг за шагом. Да не до края.
Будет - слышите? - тёплый свет
Безграничного небосвода.
А пока на шёпот: «Ну что ты!..»
Не желай ничего в ответ.

Как будто

Вот так зима
проклюнувшись на свет
Из дырки декабря чеканит утро
Как будто цвет
Он есть - его и нет
Он весь
Как будто

И в свет впадает снег
Ярчайший нежный снег
Мягчайший снежный свет
Целует утро
Чуть тронешь - нет
Его и нет
И смерти нет
Как будто.

В стоярусной сторожкой тишине

Пока ты здесь
в сторожкой тишине, -
стоярусной,
неясной,
непрозрачной, -
машина сна
ждет нас-других
извне,
в гигантской сыроватой прачечной,
где ангелы склоняются легко
над тазиками с пеной многотонной,
а ты бежишь по детству босиком -

и просыпаешься,

ни капельки не помня.

Про ветер

Рефлексируя, сожмутся пальцы с грустью - ломко,
хрустко.
Так, вальсируя, паяцы всходят прямо на помост.
Ах, куда деваться бедным этим чувствам,
этим чувствам?
На сыром ветру осеннем кружит лист под взглядом звёзд.

И какой там реверс-аверс - все неважно, он бумажный,
Марширует наш солдатик безоглядно и легко.
Дрожь не к месту, даже если слишком страшно,
слишком страшно -
на сыром ветру осеннем перед крайнею строкой.

Будет день. Заколосится в облаках шальное солнце.
Будет день. Проснутся птицы - что с тобой,
что без тебя.
Но пока в груди теплеет, ноет, давится, смеется,-
Бог с тобой.. Какой там ветер. Это он -
Шутя...
Любя.

Вот и думаю то ли на Урале

не/письмо Екатерине Симоновой

Вот и думаю
То ли на Урале хорошо
А то ли там небо низкое
Там ли город перед самым солнцем большой
Где гуляет урла по улицам искренним
Скушай ножичек яблочку они говорят
А яблочко котится котится и внезапно
становится алым
над рекою
Огромное солнце
Вот так-то вот брат
Вот это все и
называется Уралом.

Где/то/там

Строчки просятся наружу.
Может быть, от лютой стужи,
Что скрепила провода
Где-то там.

«Строчки рвутся... Скажешь тоже!
Думать надо осторожно!
Эти стуки неспроста -
Где-то там.

Может, тигр с оскалом страшным?
Может быть, разбойник ражий?
Все сидят пусть по местам
Где-то там».

«Слушай, может, в эту стужу
Ты кому-то очень нужен?
Нужен странный твой сезам -
Где-то там?»

Открываются страницы.
Словно эхо в дверь стучится.
Может, ты стучишься сам -
Где-то там.

Про верблюда

Это жёлтый песок. Это воздух горячий.
Кто так важно идет? Кто ступает, не прячась?

Посмотри, посмотри: нет, совсем не лошадка,
И мохнат, а не мишка. Что ж ты в книжку украдкой?

Посмотри, посмотри: горб несет, не смущаясь.
Даже два иногда. Что? Какой иностранец?

Скуби знает? И он говорит: чудо-юдо?
Да ты что! Посмотри, посмотри на верблюда.

Может месяц не пить. Ест колючки на ужин.
Может тяжесть носить. Он силен и послушен.

А обидится вдруг - убегай без оглядки.
Плюнет аж два ведра - ну куда там лошадке.

Люди ездят на нём. Их зовут бедуины.
Ладно, хватит о том. Кушай! Каша остынет!

Вот так выходишь за дверь говоришь день

В.

Вот так выходишь за дверь говоришь день
Круги разбегаются по воде вызывая лето
А ты стоишь как дурак неизвестно где
И дерево впереди неземного цвета

Лиловое вдруг золотое ну как же так
Цветам подобрать названия очень просто
Но если цвета меняют свои места
То значит ответы своих не найдут вопросов

То значит солнце как яблоко на ладонь
Ложится влитое своим осеняя светом
Тебя неземное дерево добрый дом
И женщину
И неважно
Когда ты
Где ты.

Содержание:

Были не были только верили (предисловие Екатерины Климаковой)	5
Святят	10
Дальше дальше после	11
Провода	12
Лебеда плывет	13
Первое пение.....	14
там где всейчас.....	15
Лодки из бересты	16
На улицу выйдешь — тишь	17
Может, правы	18
пульс... позёмка... взгляд.....	19
Тенькнув тетивою	20
Девочка играет на флейте	21
Молчание отвечает	22
И скажется вдруг гамбург	23
Чёрно-белое перо.....	24
Диптих «По ту даль»	25
нищий коля курит в кулак	27
Так говорит старичок.....	28
Будет день	29
Скрипкает тренькает половица	30
И всё же — бывает.....	31
эльдорадо здесь.....	32
Хлопуша	33
Я это кажется река	35
Когда смолкает лития вселенной.....	36
На желтых фотоснимках.....	37
Отрывки из предпраздничной постановки	38
Про цветочные часы.....	41
дватире.....	42

Стирает ластиком эпоху.....	44
на билборде живы.....	45
Уголь жуй.....	46
В направлении Порываева – Порлоков.....	47
Оккупай пахлаву.....	48
Три секунды перед рассветом в мае.....	49
Были не были только верили.....	50
Ксюшу любит Старый.....	52
Радостно. Печально.....	53
Светилась сторовшая спичка.....	54
скаска о камне.....	55
Про звездочета.....	56
Чоки-чоки, чоки-чок.....	57
Зелёный шарик.....	58
***.....	59
Три меры.....	60
Семь шагов.....	62
Стынет в кружках чай.....	63
Когда замолкают деревья.....	64
Лаймерик.....	65
Пристыжена рассветом.....	66
***.....	67
***.....	68
Музыка над миром плывет.....	69
Две стороны у неба.....	70
Три шороха.....	72
Романтика?.....	73
День.....	74
Песенка подмастерья.....	75
Про Ксюшу и облако.....	76
Что рисуешь ты, дружок.....	77
Серебристо-синего цвета.....	78
На перекрёстке пьери.....	79

Читая Светлану Ширанкову.....	80
Осенняя песенка паяца.....	81
В старой таверне.....	82
Кубинская.....	84
М. Щербакову.....	86
Дурак в стране дураков.....	87
Палочка феи штопальная игла.....	89
Команданте.....	90
Театр.....	91
На зелёные луга.....	92
чапаев блюз.....	94
Ф. Г. Л.....	96
Кто готов не побояться.....	97
Паровозик.....	98
Пело, плывя.....	99
В полушаге.....	100
Когда умирают сказки.....	101
Злато заката не пахнет.....	102
Про дождик.....	103
Лица.....	104
Скрипач играет на ветру.....	105
Про храброго дядю Святослава.....	106
добеги.....	108
шепчет.....	109
Джонни.....	110
Там, за кромкою звездопада.....	111
Как будто.....	112
В стоярусной сторожкой тишине.....	113
Про ветер.....	114
Вот и думаю то ли на Урале.....	115
Где/то/там.....	116
Про верблюда.....	117
Вот так выходишь за дверь говоришь день.....	118

Олег Копылов

Три секунды перед рассветом в мае

Авторская редакция текста
Верстка: Кристина Кармалита
Фото на обложке: Вячеслав Ковалевич

Отпечатано в типографии
Новосибирского государственного технического университета
630092, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
тираж 200 экз.

Новосибирск, 2013

Вот так выходишь за дверь говоришь день
Круги разбегаются по воде вызывая лето
А ты стоишь как дурак неизвестно где
И дерево впереди неземного цвета

Лиловое вдруг золотое ну как же так
Цветам подобрать названия очень просто
Но если цвета меняют свои места
То значит ответы своих не найдут вопросов

То значит солнце как яблоко на ладонь
Ложится влитое своим осеняя светом
Тебя неземное дерево добрый дом
И женщину
И неважно
Когда ты
Где ты